

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-137-141

ДЖАЛИЛОВА Нулуфар Вахид кызы,
Студентка 2 курса магистратуры
Евразийского Учебного Института МГИМО,
e-mail: nilufer.celilova002@gmail.com

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ В БЫВШИХ ПОРТУГАЛЬСКИХ КОЛОНИЯХ АФРИКИ: СООТНОШЕНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ПРАВА, ОБЫЧНОГО ПРАВА И ИСЛАМСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье исследуется феномен правового плюрализма в бывших португальских колониях Африки – прежде всего в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау. Рассматривается соотношение между привнесённым португальским колониальным правом, традиционными нормами обычного права местных африканских обществ, а также исламской правовой традицией в регионах с мусульманским населением. Показано, что несмотря на официальную политику ассимиляции, на практике в колониях сложилась дуалистическая правовая система: наряду с законами метрополии действовали местные обычаи, а в отдельных регионах – нормы шариата. Историко-правовой и сравнительно-правовой анализ позволяет выявить, как португальская колониальная администрация пыталась подчинить и трансформировать эти системы права, и какие последствия это имело для постколониального развития правовой системы указанных стран.

Ключевые слова: правовой плюрализм; колониальное право; обычное право; исламское право; шариат; португальская колониальная политика; Африка; Мозамбик; Ангола; Гвинея-Бисау; постколониальные правовые системы.

JALILOVA Nilufar Vakhid kyzy,
Second-year Master's student Eurasian
Educational Institute of MGIMO University

LEGAL PLURALISM IN THE FORMER PORTUGUESE COLONIES OF AFRICA: THE INTERRELATION BETWEEN PORTUGUESE COLONIAL LAW, CUSTOMARY LAW, AND THE ISLAMIC LEGAL TRADITION

Annotation. The article examines the phenomenon of legal pluralism in the former Portuguese colonies in Africa, with particular attention to Angola, Mozambique, and Guinea-Bissau. It analyses the relationship between Portuguese colonial law introduced by the metropolitan authorities, traditional customary norms of African societies, and the Islamic legal tradition in regions with Muslim populations. The study demonstrates that, despite the officially proclaimed policy of assimilation, a dual legal system emerged in practice: alongside the law of the metropole, customary law continued to operate, while in certain regions Islamic legal norms were applied. Through a historical and comparative legal analysis, the article reveals the ways in which the Portuguese colonial administration sought to control and transform these normative systems, as well as the consequences of such policies for the post-colonial development of the legal systems of the states concerned.

Key words: legal pluralism; colonial law; customary law; Islamic law; Sharia; Portuguese colonial policy; Africa; Mozambique; Angola; Guinea-Bissau; post-colonial legal systems.

Правовой плюрализм – это сосуществование в рамках одного государства или общества нескольких систем права, основанных на разных источниках. В стра-

нах Тропической Африки правовой плюрализм во многом является наследием колониального периода, когда европейские державы вводили свое право, но вынужденно или сознательно сохраняли

действие местных обычаев и норм религиозного права в отношении коренного населения [1]. В результате к моменту обретения независимости во многих африканских колониях сложились смешанные правовые системы, включающие элементы европейского (континентального или англосаксонского) права, африканского обычного права и, в ряде случаев, исламского права как особой религиозно-правовой традиции. Бывшие португальские колонии в Африке не были исключением: хотя Португалия декларировала политику культурной ассимиляции, на практике в ее владениях существовал сложный симбиоз различных правовых норм. Ниже рассматривается история этого правового плюрализма, особенности колониальной правовой политики Португалии и взаимодействие трех указанных правовых систем. Особое внимание уделено тому, как португальские власти регулировали обычное (традиционное) право африканских народов и исламское право в мусульманских общинах, сопоставляя эти подходы с практикой других колониальных империй.

Колониальное право Португалии первоначально основывалось на идее ассимиляции, согласно которой образованные представители колониальных народов должны были со временем перенять португальскую культуру и получить равные права с европейцами. На практике же была институционализована система индигенато (*indigenato*) – правового разграничения между двумя категориями населения: «гражданами» (белые, мулаты и т. н. ассимиладу, т.е. африканцы, официально перешедшие на португальский образ жизни) и «туземцами» (*indígenas*) – большинством африканцев, сохранявших традиционный уклад [2]. Для первых действовало общее португальское право, включая Гражданский и Уголовный кодексы метрополии, тогда как для «туземцев» вводилось отдельное режимное законодательство. В частности, Колониальный акт 1930 года и последующая португальская Конституция 1933 г. закрепили дуалистический характер правовой системы: подавляющее большинство африканского населения оставалось в статусе подданных с ограниченными правами, на которых распространялись нормы «особого права туземцев» [2]. Эти нормы позволяли применять местные обычаи и традиции в отношении коренных жителей, если они не противоречили «принципам цивилизации» и колониальному порядку [1]. Фактически в колониях действовала параллельно две правовые подсистемы – одна для европейцев и ассимилированного меньшинства, и другая для коренных народов. Такая система была характерна для португальской Африки вплоть до начала 1960-х гг., когда под влиянием антиколониальных движений Португалия ноти-

нально отменила институт *indigenato* и объявила всех жителей своих африканских территорий равноправными португальскими гражданами [2]. Однако до самого окончания колониального правления (1974–1975 гг.) сложившееся ранее разграничение в правах и компетенции сохранялось неофициально.

Важно отметить, что в отличие от британских или французских колоний, где практиковались отдельные судебные институты (например, суды для европейцев и отдельные «туземные суды» для разбора дел по обычному праву), в португальских колониях административная и судебная система были более централизованы. Официально судебные органы подчинялись португальскому праву, и разбирательство велось по нормам колониальной администрации. Тем не менее, политика ассимиляции сочеталась с элементами непрямого управления: португальские власти привлекали местных традиционных лидеров (в Анголе – *соба*, в Мозамбике – *рэгулу* и т.д.) к управлению и использовали их влияние для сбора налогов, поддержания порядка и решения мелких споров по обычаям [3]. Португальское колониальное право лишь частично охватывало жизнь коренного населения, особенно в сельской глубинке. Как отмечает исследователь Н. Коисоро, формально в Анголе и Мозамбике «действовало португальское право, однако традиционное обычное право во многих случаях терпелось или молчаливо допускалось» колониальной администрацией [1]. Иными словами, португальцы закрывали глаза на применение местных обычаев в тех сферах, которые не считали принципиальными, в первую очередь в семейно-брачных отношениях, наследовании, земельных спорах внутри общин. При этом португальские суды могли не признавать те элементы обычного права, которые противоречили европейским представлениям о порядке и морали (например, некоторые формы полигамии, «дикие» религиозные обряды, обвинения в колдовстве и т.п.). В целом же, политика колониальных властей балансировала между стремлением интегрировать африканцев в португальское правовое пространство и практической необходимостью опираться на традиционные нормы, регулирующие жизнь общин, особенно там, где не хватало ресурсов установить эффективный контроль с помощью европейских институтов [3].

Обычное право – совокупность неписаных традиционных норм и обычаев, действовавших в местных обществах, – продолжало играть ключевую роль в повседневной жизни населения колоний. В ангольских, мозамбикских, гвинейских деревнях споры о земле, браке, семейных обязанностях, возмещении ущерба и др. по-прежнему решались по старым обычаям, обычно при

посредничестве советов старейшин или вождей. Португальская администрация, особенно в первые десятилетия XX века, не обладала достаточным штатом чиновников и судей для непосредственного управления обширными территориями в глубине континента. Поэтому она сохраняла институты местной власти, встроив их в колониальную систему. Например, в Мозамбике крупных традиционных правителей (рэгугу) колониальные власти официально признали как низовое звено управления; они собирали подати с населения, обеспечивали выполнение плантационных работ и в обмен получали поддержку португальцев в удержании своей власти [3][4]. В Анголе существовала схожая картина: должность соба (наследственного вождя) также была легализована, хотя их автономия постепенно урезалась. В 1920–30-х годах, по мере ужесточения колониальной эксплуатации, Португалия попыталась усилить контроль над традиционными лидерами, в некоторых случаях смещая непокорных вождей и даже назначая на их место португальских администраторов. Показателен пример Гвинеи-Бисау, где колонизаторы воспользовались иерархической структурой местных мусульманских султанатов (Фута-Джалло и др.): некоторые должности исламских лидеров были упразднены или заняты португальцами, чтобы разорвать вертикальные связи власти внутри общин [5]. Тем не менее полностью уничтожить или заменить систему обычного права португальцы не смогли.

Отличительной чертой португальского подхода было отсутствие кодификации обычного права. В то время как, например, во Французской Западной Африке предпринимались попытки записать и унифицировать отдельные нормы обычаев, в португальских колониях подобных всеобъемлющих сводов не создавалось [2][4]. Обычное право оставалось преимущественно устным и варьировалось от региона к региону. Португальские юристы и этнографы середины XX века изучали локальные обычаи скорее в академических целях, не интегрируя их в официальную правовую систему. В судебной практике колоний существовало своеобразное разделение: дела с участием «туземцев» могли рассматриваться по процедурам, установленным португальским законом, но с применением материальных норм обычного права, если они не противоречили колониальному законодательству [2]. Такой разрыв между процедурой и материальным правом был необычен для африканских колоний – он отражал противоречие между идеологией ассимиляции и реальностью правового плюрализма. По сути, в социальной жизни продолжали действовать традиционные институты (родовые советы, деревенские собрания, обряды примирения и т.д.), обеспечивавшие

регулирование отношений в соответствии с местными ценностями, а колониальные суды и администрации вмешивались лишь когда затрагивались интересы колониальной власти или возникали конфликты, выходящие за рамки общины. Таким образом, обычное право в бывших португальских колониях сохранилось как устойчивый пласт правовой культуры, переживший эпоху колониализма и впоследствии интегрированный в национальные правовые системы независимых государств.

Особый аспект правового плюрализма в ряде португальских колоний связан с присутствием значительных мусульманских общин и действием исламского права (шариата) в сфере семейно-брачных и социальных отношений этих общин. Речь идет главным образом о северных районах Мозамбика (исторически входивших в сферу влияния суахилийско-арабской исламской цивилизации) и о территориях Гвинеи-Бисау, населенных народами, исповадовавшими ислам (фульбе, мандинго и др.). Португальская колониальная администрация вплоть до середины XX века не признавала исламское право как автономную систему. В отличие от британцев или французов, которые иногда учреждали кадийские суды или официально разрешали применение норм шариата в отношении мусульман (например, в семейных спорах), португальцы не создавали отдельной исламской юрисдикции [6]. Колониальные власти рассматривали исламские обычаи как часть общего «обычного права туземцев». Отчасти это объяснялось их восприятием местного ислама как «фольклоризированного» и отклоняющегося от ортодоксальных канонов. Так, исследователи отмечают, что португальские чиновники считали мусульман Северного Мозамбика синкретической группой, смешивающей ислам с местными племенными обычаями (например, сохраняющей матрилинейные традиции наследования, нехарактерные для классического шариата) [6]. Поэтому вплоть до 1960-х гг. португальская политика не отделяла шариат от языческого обычного права: оба рассматривались единым блоком «традиционных норм», подчиненных колониальному контролю.

Тем не менее, исламская правовая традиция сохранялась в подпольном формате. Мусульманские общины продолжали регулировать семейные отношения по нормам шариата: заключали браки по мусульманскому обряду, практиковали талак (развод) и выплачивали махр (свадебный выкуп невесте) согласно своим обычаям, даже если эти акты не получали юридической силы в португальских судах [6]. Полигамные браки, запрещенные португальским гражданским кодексом, де-факто существовали и порой при-

знавались местной администрацией в целях поддержания лояльности населения. Португальские власти обычно не вмешивались в дела мусульманских судов совести (джамаатов) или неформальных собраний общины, если не усматривали угрозы своему влиянию. Ситуация начала изменяться лишь в 1960-е годы, когда на фоне вооруженной борьбы за независимость Лиссабон стал пересматривать свое отношение к мусульманскому населению. Опасаясь объединения мусульман под знаменем антиколониальных движений, португальская администрация попыталась выработать «исламскую политику» – своеобразную стратегию кооптации мусульманских лидеров [7]. В Мозамбике в 1960–1970-х гг. правительство разрешило создание лояльных режиму мусульманских организаций и провело несколько показательных мероприятий, признававших культурные права мусульман (например, официальное открытие мечетей, встречи губернаторов с имамами). Португальская пропаганда подчеркивала, что в составе «многонациональной португальской империи» мусульмане пользуются свободой вероисповедания, стараясь тем самым отвратить их от поддержки повстанцев [7]. Похожая тактика применялась и в Гвинее-Бисау: там колониальные власти установили контакты с некоторыми религиозными лидерами султанатов Фуладу и предложили им ограниченную административную роль в обмен на лояльность. Однако эти запоздалые меры уже не могли изменить общее положение: мусульманское население в значительной своей части поддержало движения за независимость (ФРЕЛИМО в Мозамбике, ПАИГК в Гвинее-Бисау), справедливо не доверяя вековой политике дискриминации со стороны колонизаторов.

По итогам колониального периода можно констатировать, что исламская правовая традиция не была интегрирована в официальную правовую систему португальской Африки, но сумела сохраниться неофициально. Более того, исследования показывают, что к моменту окончания колониального правления мусульманские общины Мозамбика четко идентифицировали себя по правовым школам ислама (например, как последователи шафиитского мазхаба) и широко пользовались классическими фикх-руководствами на суахили и арабском языках для урегулирования своих внутренних вопросов [6]. Это свидетельствует о том, что параллельно с колониальным и обычным правом продолжала существовать и развиваться третья подсистема – религиозно-правовые нормы ислама, значимые для значительной части населения северных районов Мозамбика и Гвинеи.

Наследие описанного правового плюрализма существенно повлияло на формирование

правовых систем новых независимых государств на месте португальских колоний. После получения независимости (1974–1975 гг.) правительства Мозамбика, Анголы, Гвинеи-Бисау встали перед задачей создания единых национальных систем права. Поначалу преобладала тенденция отказаться от колониального разграничения и утвердить унифицированное социалистическое право – особенно в Мозамбике и Анголе, где у власти стали марксистские партии. Была предпринята попытка максимально ограничить сферу действия традиционных институтов: так, в Мозамбике в конце 1970-х гг. упразднили должности рэгулу и запретили действовать общинным судам, заменив их народными судами революционной власти. Однако полностью вытеснить вековые обычаи оказалось невозможно. К концу XX века, после окончания гражданских войн, эти страны перешли к политике признания фактического правового плюрализма. Например, в Конституции Мозамбика 2004 года прямо закреплено признание различных нормативных систем и процедур урегулирования споров, включая традиционные и религиозные, наряду с государственным правом [8]. В Анголе Конституция 2010 года также отмечает роль традиционных властей (вождей) и обычаев в местном самоуправлении. Таким образом, современные правовые системы бывших португальских колоний официально эволюционируют в сторону синтеза: принципы европейского (континентального) права, унаследованные от Португалии, дополняются институтами обычного права и, при соблюдении прав человека, учитывают религиозные нормы там, где это востребовано обществом.

История правового плюрализма в португальских колониях Африки демонстрирует сложное переплетение различных правовых начал – колониального (европейского) права, африканского обычая и исламской традиции. Португалия, провозгласив цель культурной и правовой ассимиляции, де-факто управляла своими африканскими владениями через систему двойных стандартов, сочетая жесткое имперское законодательство с элементами непрямого управления и признания местных обычаев. Это позволило колониальной администрации использовать традиционные структуры для контроля над населением, но одновременно закрепило институциональные различия и неравенство. Исламская правовая система, хотя и не получила официального статуса, продолжала существовать в рамках общин, добавляя еще один слой к правовому полю колоний.

В сравнительно-правовой перспективе можно отметить, что португальская модель отличалась от британской индирект рул или французской политики *association* тем, что она до самого конца колониализма не признала полностью авто-

номии ни обычного, ни тем более исламского права – но и не уничтожила их. Этот исторический компромисс привел к тому, что на момент обретения независимости новые государства получили в наследство сложную правовую мозаику. Постколониальные власти сначала пытались унифицировать право, устранив «пережитки» племенных укладов, однако жизнь показала необходимость учитывать культурно-правовые реалии населения. Сегодня правовые системы Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау формально относятся к романо-германской семье (базируясь на португальском правовом наследии), но по сути являются смешанными. В них продолжают сосуществовать нормы современного законодательства, традиционные обычные практики и элементы религиозной (в том числе исламской) юриспруденции, особенно в сфере семейного и земельного права. Правовой плюрализм, сложившийся еще в колониальную эпоху, таким образом, остается характерной чертой этих стран, предъявляя как вызовы – например, необходимость согласования разных норм, – так и ресурс для более гибкого и легитимного для населения правопорядка.

Список литературы:

- [1] Coissoro N. African Customary Law in the Former Portuguese Territories, 1954–1974 // *Journal of African Law*. 1984. Vol. 28, №1–2. P. 72–79.
- [2] O’Laughlin B. Class and the Customary: The Ambiguous Legacy of the Indigenato in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [3] Bastos F. L. Customary Law in Lusophone Africa (Angola, Guinea-Bissau and Mozambique) // *Revista da Faculdade de Direito da Universidade de Lisboa*. 2019. Vol. 60, №1. P. 55–75.
- [4] O’Laughlin B. The Ambiguous Legacy of the “Indigenato” in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [5] Mendy P. K. Portuguese Guinea: Dynamics of Decolonization, 1945–1974. Bloomington: Indiana University Press, 2019.
- [6] Bonate L. J. K. Portuguese Colonialism and Islamic Law in Northern Mozambique // *Islamic Africa*. 2010. Vol. 1, №2. P. 165–187.
- [7] Machaqueiro M. Ambivalent Islam: The Identity Construction of Muslims under Portuguese Colonial Rule // *Social Identities*. 2012. Vol. 18, №1. P. 39–63.
- [8] Constituição da República de Moçambique (2004) – Constituição da República, Maputo, 2004 (Artigo 4: “O Estado reconhece os diferentes sistemas jurídicos e suas instituições, nomeadamente o direito costumeiro...”).

References:

- [1] Coissoro N. African Customary Law in the Former Portuguese Territories, 1954–1974 // *Journal of African Law*. 1984. Vol. 28, №1–2. P. 72–79.
- [2] O’Laughlin B. Class and the Customary: The Ambiguous Legacy of the Indigenato in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [3] Bastos F. L. Customary Law in Lusophone Africa (Angola, Guinea-Bissau and Mozambique) // *Revista da Faculdade de Direito da Universidade de Lisboa*. 2019. Vol. 60, №1. P. 55–75.
- [4] O’Laughlin B. The Ambiguous Legacy of the “Indigenato” in Mozambique // *African Affairs*. 2000. Vol. 99, №394. P. 5–42.
- [5] Mendy P. K. Portuguese Guinea: Dynamics of Decolonization, 1945–1974. Bloomington: Indiana University Press, 2019.
- [6] Bonate L. J. K. Portuguese Colonialism and Islamic Law in Northern Mozambique // *Islamic Africa*. 2010. Vol. 1, №2. P. 165–187.
- [7] Machaqueiro M. Ambivalent Islam: The Identity Construction of Muslims under Portuguese Colonial Rule // *Social Identities*. 2012. Vol. 18, №1. P. 39–63.
- [8] Constituição da República de Moçambique (2004) – Constituição da República, Maputo, 2004 (Artigo 4: “O Estado reconhece os diferentes sistemas jurídicos e suas instituições, nomeadamente o direito costumeiro...”).

